

¹⁹ Такая ситуация сложилась, например, в Миловской общине в 1816 г. Выборы старосты показали, что часть единоверцев (партия купцов К. Чурсинова и К. Михайлова) тяготела к более тесной интеграции с властью, а другая (партия купца И. И. Милова) стремилась сохранить максимальную автономию. Для разрешения дела, грозившего расколом общины, понадобилось вмешательство митрополита Петербургского Амвросия (См.: *Чельцов М. П.* Единоверие за время столетнего существования его в русской церкви. 27 октября 1800 г. – 27 октября 1900 г. (Очерки из истории единоверия). СПб., 1900. С. 65–66).

²⁰ Примером тому может служить деятельность Т. А. Верховского, вторично обращавшего стародубские слободы. См.: *М. С-кий.* Указ. соч. С. 106; *Верховский Т. А., свящ.* Стародубье. Записки протоиерея с.-петербургской Никольской единоверческой церкви Т. А. Верховского, высочайше командированного в 1845–1848 г. государем императором Николаем Павловичем для устройства единоверия в черниговских старообрядческих посадах. Казань, 1874.

²¹ Это неудивительно, поскольку в Петербург стекались лучшие кадры, в т. ч. и единоверческие, со всей страны. Одним из таких «самородков» был о. Симеон Шлеев (1873–1821) – впоследствии священномученик Симон, епископ Охтенский. Несмотря на то, что он был родом из Симбирской губернии, прославился о. Симеон как яркий ревнитель единоверия именно в Петербурге. С его деятельностью можно связывать расцвет единоверия в Петербурге начала XX в.

Х. Рюсс

ПОХОД НАПОЛЕОНА В РОССИЮ 1812 ГОДА: НЕМЕЦКИЙ ВЗГЛЯД ИЗ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ.

Франциска Амелунг, которой посвящено данное исследование, родилась в 1789 году в селе Грюненплан недалеко от Холцминдена на Везере, где её отец до конца восьмидесятых годов был успешным арендатором стекломануфактуры герцога Брауншвейгского. В раннем детстве она получила домашнее образование, потом посещала школу в Ганновере и Гамбурге, где преподавали типичные для того времени учебные предметы для девочек, такие как религия, домоводство, рукоделие и т. д. Но несмотря на то, что Франциска отличалась хорошей успеваемостью среди школьников – учителя удивлялись её необыкновенно хорошей памяти, позволившей ей, по её словам, запомнить имена 300 богов и богинь из древней мифологии! – всё же она ощущала ограниченность и недостаточность своего образования, особенно когда жизненная перспектива незамужней женщины стала для неё весьма реальной. Все её сёстры вышли замуж в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, а когда Франциска Амелунг отправилась в Россию, ей было уже 22 года¹.

Итак, вполне вероятно, что одной из причин путешествия Франциски Амелунг в Россию была тайная надежда найти там, в окружении живущих в достатке родственников, своё «счастье». К тому же в Гамбурге, где

она жила с 1806 года у своей старшей сестры (которая была замужем за пастором) общее настроение из-за оккупации французов было подавленным и удручающим. Так что приглашение 1811 года приехать в Россию её очень обрадовало². Там жили две её сестры и один брат. Брат Карл Филипп был владельцем стекольных заводов «Catharina/Lisette» в Мелески в Ливонии (Эстонии). Их основоположником и главным управляющим с 1794 по 1798 год, до своей смерти, был их отец Антон Х. Ф. Амелунг. Её сестра Юлие (Julie) была замужем за богатым коммерсантом Рудольфом Мейером в Петербурге, который на момент пребывания Франциски в России служил надворным советником при императоре и владел имением с 460 крепостными. Младшая же сестра Эрнестине состояла в браке с купцом Тильгером, который в то время был арендатором парусинного завода с 300 ткацкими станками в Блохино вблизи Козельска в Калужской губернии, и который мечтал заработать в течение пяти-шести лет достаточную сумму денег, чтобы вернуться «на красивую родину» (он был родом из Ульма в Южной Германии) и «там наслаждаться уютной сельской жизнью».

Поскольку континентальная блокада Наполеона исключало путешествие по морю, Франциска Амелунг должна была ехать сушей. Выехав из Гамбурга 22 октября 1811 г., приблизительно через пять недель, после коротких остановок в Кёнигсберге (Калининграде), в Мемеле (Клайпеде) и в Риге, она достигла первого пункта своего путешествия, Дорпата (Дерпта, Тарту). Спутниками её были (кроме образованного и таинственного кучера, сторонника бывшего шведского короля Густава IV Адольфа) молодой человек, сын берлинского профессора, целью которого была Рига, и две девочки, которые ехали к мачехе в Волмар (Валмиеру). К Рождеству 1811 г. она была у своей старшей сестры в Петербурге, а ранней весной 1812 г. переселилась к младшей сестре в Блохино, где оставалась до осени 1813 г. Следующие пять лет она прожила в Петербурге, в летние месяцы иногда бывая у брата в Эстляндии или в имении зятя Мейера на Чудском озере. В 1818 г. она вернулась морским путём в Германию и в 1829 г. окончательно поселилась в Любеке, где жила до смерти в 1879 г. Оставаясь одинокой, она посвятила свою жизнь попечению бедных, благодаря чему обрела некоторую известность в городе³.

Свои мемуары Франциска Амелунг предоставила в распоряжение своему внучатому племяннику Фридриху Амелунгу⁴ перед смертью. Они образуют вторую часть, изданных им между 1887–1894 гг., трёхтомника «Семейных известий». Текст воспоминаний разделён на шестнадцать глав, семь из которых посвящены путешествию в Россию, что и в количественном отношении отражает его значимость в жизни Франциски Амелунг. «Семейные известия» были напечатаны небольшим тиражом,

на сегодняшний день они доступны только в архивах. Ими занимались только те исследователи, которых интересовало основание амелунговских стеклозаводов в Ливонии. В историографии о России они остались совершенно незамеченными, хотя автор была свидетелем одного из наиболее драматических событий русской истории – кампании Наполеона 1812 г.

Можно предположить, что Франциска Амелунг отправилась в путь, не будучи отягощенной книжными штампами и известными предрассудками о России. Кажется, что в её представлении Россия была связана преимущественно с положительными ожиданиями и образами. Во всяком случае, у неё не встречаются те отрицательные клише о России, которые сверх меры содержала западная путевая литература со времён Герберштейна (XVI в.) и Олеария (XVII в.)⁵. Её письменные воспоминания были адресованы внучатой племяннице и не предназначались для публикации, что делает их особенно аутентичными.

Ежедневные, «не важные» детали и внутренняя перспектива занимают в наблюдениях Франциски Амелунг видное место, что некоторым образом является характерным для женского восприятия⁶. Например, она сообщает, что царь Александр I слишком быстро ел за обедом, так что гости его часто выходили из-за стола голодными и приходили к ее сестре, чтобы наесться досыта. При этом мы узнаём, что в доме у зятя Мейера бывали такие знаменитые люди, как прусский генерал Шарнхорст, будущий министр иностранных дел Нессельроде и князь Голицын, но «*в присутствии женщин о религии и политике дискуссий не велось*» (здесь и далее курсивом выделены цитаты из воспоминаний Ф. Амелунг. – Х. Р.), так как это было в России, по её мнению, не принято⁷. Попутно она отмечает, что люди в Петербурге очень хорошо питаются, едят «особенно много мяса, дичи и таму подобное», в то время как пища крестьян состоит главным образом из гречневой каши, кислой капусты, кислых огурцов, лука и сушёной рыбы. «*Русский ест много, очень много хлеба, и у него разнообразные напитки, которые нам незнакомы и не всегда нам по душе*». При этом относительно подробно описывает внутреннюю обстановку крестьянских изб, к слову сказать, гораздо более объективно, чем это сделал А. Н. Радищев несколько лет тому назад⁸. Способность русских к лишениям она оценивает как «счастливый дар»⁹. Вообще, она симпатизирует натуральности русского крестьянского быта. С другой стороны, она восхищается по случаю театрального представления в Большом театре Петербурга «блеском» и «роскошью империи». Ис лёгкой иронией добавляет, что в зале стоял ужасный жар, в то время как на дворе был ледяной холод, но люди «там очень закалённые, в таких случаях и ради забавы терпят до крайности»¹⁰.

Высочайший интерес представляет, конечно, её восприятие наполеоновской кампании против России, поскольку находилась она в Калужской губернии, довольно близко от театра военных действий, и была – насколько мне известно – единственной западной путешественницей того времени, которая оставила воспоминания о военной драме с гражданской точки зрения¹¹.

Когда французская армия 24 июня 1812 г. перешла границу России, Франциска Амелунг находилась в Блохино у своего зятя Тильгера, который, как упоминалось выше, арендовал парусинный завод у графа В. В. Мусина-Пушкина. По её словам, в окрестностях Калуги «возделывалась главным образом конопля» для производства парусины. «Молодые люди должны были вступать в армию, и более чем 100 были призваны с фабрики»¹². Хотя поблизости военные действия не проводились, тем не менее, ходили всевозможные слухи. *«Плохо было, что мы только со слухов (которые всегда ужаснее правды) получали известия»,* в которых утверждалось, что *«русские предводители были на стороне французов и изменили императору»*¹³. Ходили слухи, *«что Наполеон выслал 400 шпионов под различным видом, например, парикмахеров, кондитеров, поваров и т. д., которым он платил жалованье, чтобы они распространяли тревожные слухи»*¹⁴. Говаривали, что *«император Александр тяжело прегрешил и теперь над ним гнев Бога. Говорили также, что он был слишком слаб, и его генералы – изменники»*¹⁵. Она вспоминает, что в её руках был *«русский катехизис, в предисловии которого обращалось внимание на то, как гнев Бога так видимо обращен на императорский дом. – Но люди не должны малодушничать, спаситель у дверей, в будущем нет крепостных рабов, они все будут свободными и поклонятся посланному им спасителю... Такие и подобные им трактаты были переведены на русский язык и, как говорили, были в большом количестве распространены французами»*. И далее: *«Семя возмущения, которое Наполеон так щедро потихоньку посеял, повсюду взошло. С каждым новым утром наступали всё новые ужасные часы для нас. Вот застрелили нашего соседа-помещика, там подожгли дом, и мы видели облака дыма вдали»*¹⁶.

Такие наблюдения оттого особенно интересны, что они противоречат распространённому мнению в историографии, что Наполеон сделал ставку только на военные операции, отказался от политических и пропагандистских возможностей дестабилизации России и, в частности, отказался от каких-либо обещаний освобождения крестьян¹⁷. Если это и была его официальная позиция, то наблюдения и слухи, передаваемые нашей путешественницей, указывают на то, что у части населения, по крайней мере в начале кампании, с Наполеоном были связаны ожидания, которые заставляют посмотреть на общепринятую картину о непоколебимо лояльном к

своему правительству населению более дифференцированно. Не последнее влияние на такое представление о высоком «патриотическом» поведении «народа» в «Отечественной войне» имел, как известно, флигель-адъютант князь Волконский, который на вопрос Александра I о настроении в крестьянстве после взятия Смоленска ответил: «Каждый крестьянин – герой»¹⁸. Но было ли это действительно так с самого начала войны? Горящие усадьбы имений и убитые помещики в воспоминаниях Франциски Амелунг говорят скорее об обратном.

Её воспоминания передают довольно наглядную картину накалившейся и крайне возбуждённой атмосферы в провинции, не в последнюю очередь созданной самыми дикими слухами. Такие наблюдения подтверждаются и другими источниками. Что правительство не полагалось на надёжность населения, вытекает из того, что, во-первых, как мы уже видели, администрация в Калуге должна была предотвращать слухи, которые могли привести к панике среди населения. Во-вторых, в каждой губернии было оставлено по полбатальона на подавление крестьянских восстаний. Эксцессы насилия и грабежи наблюдались и в Калужской губернии, правда, в меньших масштабах, чем в Московской и Смоленской губерниях¹⁹. Было установлено, что в 1812 г. состоялось гораздо больше крестьянских восстаний, чем за последние пятнадцать лет²⁰. В. Н. Земцов в своей последней работе констатирует: «Весьма существенную лепту в грабежи Москвы с самого начала внесли окрестные крестьяне. Свидетельств тому множество»²¹. Важным источником являются и воспоминания современника событий балтийского дворянина Бориса Уксюлля, который служил в русской армии и записал в свой дневник: «Я увидел крестьянина, который с факелом в руках поджёг свою хижину. Резиденций крупных помещиков мне очень жаль»²².

Трудно привести в соответствие все эти факты и наблюдения с известным тезисом советского историка Е. В. Тарле, что антифеодальные движения 1812 г. в целом не имели никакой связи с вторжением Наполеона в Россию²³. В свете воспоминаний Франциски Амелунг ситуация выглядит несколько иначе, не говоря уже о том, что о всеобщем патриотическом порыве в крестьянских массах в начале войны у неё нет и речи. В то время как многие помещики, освобождённые от военной службы, и не думали защищать родину и этим приобрели репутацию трусов и изменников, вдохновленные освободительной мыслью крестьяне должны были далее нести военную службу и платить барщину. Одновременно ходили слухи, что Наполеон намеревался отменить крепостное право, о чем и упоминает Франциска Амелунг. Эти обстоятельства, без сомнения, подготовили благоприятную почву для агрессивного настроения и насилия в деревне.

Пока же в Блохино нужно было бороться с возрастающей нехваткой

продовольствия: *«Нужда у нас и в нашем окружении всё больше возрастала. У нас не хватало именно соли, масла, жира и т. д. Теперь мы видели, каким благом явился наш сад. Без фруктов сада мы умерли бы от голода»*²⁴. В этой связи Франциска Амелунг упоминает о возделывании картофеля по её инициативе в заводском саду в Блохино. При этом мимоходом мы узнаём интересный факт, что в Калужской губернии уже в начале века возделывался картофель, но проект приостановился из-за суеверия населения. Церкви и особенно староверы, видели в картофеле «чёртово зелье». Рассказывали, *«якобы жители были испуганы ночью громким звоном и увидели на крыше церкви белую фигуру, которая предупреждала их не возделывать картофель, так как он ядовитый и погубит народ. Такое суеверие, такой обман ещё господствовали там, в Калуге в 1811 г. Мы собирали великолепный урожай, чем во время нужды утоляли голод»*²⁵. Не только недостаток пищи являлся серьёзной проблемой, но и страх перед мародёрством и грабежами. Самые драгоценные вещи были спрятаны в глубокой яме под половицами жилого помещения. *«Более маленькие украшения были вишты и были при себе днём и ночью»*²⁶. Но и *«слухи о жестокостях врагов становились всё страшнее. Говорили, что уже недалеко от нас прибывали гвоздями ноги старых людей к полу, чтобы их заставить сказать, где они прятали деньги. Но бедным нечего было прятать!»*²⁷ Племянник Франциски, Эммерих фон Крёгер, который участвовал в кампании Наполеона в качестве капитана «чёрных гусар», позднее её заверил, что во время отступления «ужасные тяготы, холод и голод всех приводили в такое состояние внутреннего бешенства, что они сами себя не узнавали»²⁸.

16 августа 1812 г. командующий Барклай де Толли сдал Смоленск. Франциска Амелунг повествует о распространении слухов о чудесах. Так, в Смоленске *«Богоматерь, которая стояла перед воротами и была почитаема народом, повернулась, чтобы покинуть город, и видно было, что она плакала»*²⁹. Говорили, что *«казацкий вождь П. предложил свою красивую молодую дочь с приданым размером в миллион тому, кто доставит бы Наполеона живым или мёртвым в Петербург»*. Это воззвание, пишет она, *«особо вызвало брожение умов»*³⁰.

Повсеместно распространился печатный текст выступления главного командующего Москвы Фёдора Ростопчина, в котором говорилось, что бы *«народ успокоился и не покидал столицу Москву... – позволили французам продвинуться до Воробьёво, но были все силы соединены, чтобы бить изнеможённого врага. Однако никто не хотел поверить в это»*³¹. О том, что Москва занята французами, в Блохино узнали из надёжных источников, сообщавших также о том, что Петербург *«давно занят врагом»*, и что Наполеон в письме к «брату» Александру *«великодушно пред-*

ложил ему императорскую корону Сибири... Это письмо циркулировало на русском, французском и немецком языках, словом, было сделано всё, чтобы ввести в заблуждение бедный, ослеплённый народ»³².

Как и в годы второй мировой войны, немцы, которые жили в России, были под общим подозрением. *«Для нас, немцев, это было очень тяжёлое время, так как русские отождествляли со словом “немецкий” каждого иностранца, был ли он французом, немцем или англичанином. Так, нам угрожала большая опасность от казаков, у которых мы считались чужими»*. После отступления французов из Москвы *«ненависть... ко всем иностранцам в России»* даже ещё выросла³³.

На обратном пути в Петербург поздней осенью 1813 г. Франциска Амелунг ехала по почти полностью разрушенной Москве. Она была шокирована. *«Ты не веришь, каким ужасным видом предстала перед нами великолепная Москва. Мы проехали три, четыре мили только по руинам, одни дымовые трубы остались»*³⁴. Компаньон Тилгера рассказал ей, что *«ещё четыре недели после пожара не мог ходить по булыжной мостовой, не сжигая подошвы своих сапог»*³⁵. С другой стороны, она регистрировала видимые признаки новостройки. *«Теперь возникали в Москве всё новые фирмы, и устраивалось много молодых людей, которые изрядно трудились, чтобы достать всё необходимое»*³⁶.

Таким образом, Франциска Амелунг принадлежала к тем очень немногим женщинам XVIII и первой половины XIX веков, которые путешествовали по России и записали свои наблюдения и переживания³⁷. Её воспоминания являются оригинальным сочетанием семейной истории и дорожных приключений. В отличие от большинства путешественников, она довольно долго пребывала в русской провинции, которая обычно не являлась предметом интереса попадавших в Россию иностранцев. Она пережила кампанию Наполеона в относительно большой близости от непосредственных боевых действий, в самой гуще всевозможных слухов на юге Калужской губернии, став единственной западной путешественницей, которая сообщает об этих событиях. Многое из того, что ей довелось услышать и наблюдать, подтверждается в исторических исследованиях. С другой стороны, существуют такие научные концепции, которые игнорируют приемы ведения Наполеоном «психологической войны», не видят связи между его кампаниями и антифеодальным движением в России, признают существование надклассового патриотического энтузиазма в широких слоях населения с самого начала войны. В свете наблюдений Амелунг эти мнения являются по крайней мере сомнительными³⁸. Во всяком случае, совершенно неизвестные до сих пор в историографии России воспоминания Франциски Амелунг могут подтолкнуть к переосмыслению некоторых из вышеупомянутых проблем на новом источниковедческом уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Более детально её биография освещена в: *Hartmut Rüß. Franziska Amelungs Reise nach Livland und Russland 1811 bis 1818* // *Ajalooline Ajakiri* (The Estonian Historical Journal), 2009, 3/4 (129/130). С. 559–584. За языковой просмотр данного текста благодарю Анну Бурову, Ферсмольд, Вестфалия.

² «Были тогда ужасные времена для нашего любимого отечества, Вандамм неистовствовал в Гамбурге, и деморализация соотечественников множилась, в то время как дороговизна возрастала» (*Familiennachrichten. Zweiter Teil: Briefliche Memoiren des Fräulein Franziska Amelung von 1789 bis zum Jahre 1834. Gesammelt und herausgegeben von Friedrich Amelung. Dorpat 1890* №. 147). Эта цитата, как и все последующие, дана в переводе автора.

³ *Martin Funk. Franziska Amelung: ein Leben in dienender Liebe* // *Monatsschrift für die evangelisch-lutherische Kirche im hamburgischen Staate*, 1882, № 9. С. 333–356. Сегодня там на улице Мира („Friedensstraße“) существует учреждение для социально незащищенных лиц, которое носит её имя (Franziska-Amelung-Haus).

⁴ О нём см.: *Friedrich Amelung (1842–1909)* // *Kalender der deutschen Vereine in Liv-, Est- und Kurland auf das Jahr 1911*. С. 68–70 (E. Seraphim).

⁵ О путешествиях в Россию см.: *Robel G. Das ferne Reich des Nordens. Russlandreisen.* // *Reisekultur. Von der Pilgerfahrt zum modernen Tourismus*. München: H. Bansinger, K. Beyer, G. Korff, 1991. С. 249–255. Р. Мументалер исследовал 54 путевые заметки о России между 1750 и 1800 гг., из них 8 принадлежат перу русских авторов (*Mumenthaler R. Über Stock und Stauden. Reiseumstände in Russland nach Berichten aus der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts* // *Zwischen Adria und Jenissei. Reisen in die Vergangenheit*. Zürich, 1995. С. 225).

⁶ *Pelz A. Reisen Frauen anders? Von Entdeckerinnen und reisenden Frauenzimmern* // *Reisekultur. Von der Pilgerfahrt zum modernen Tourismus*. München: H. Bansinger, K. Beyer, G. Korff, 1991. С. 174–178.

⁷ *Familiennachrichten* II. С. 183.

⁸ *Familiennachrichten* II. С. 187–188.

⁹ *Familiennachrichten* II. С. 253.

¹⁰ *Familiennachrichten* II. С. 214.

¹¹ Существует довольно обширная литература, принадлежащая перу немецких участников войны, сражавшихся как во французской, так и в русской армии. См., например: *Kohler F. Die Augenzeugenberichte der deutschen Teilnehmer an Napoleons Russlandfeldzug 1812.* // *Deutsche, Deutschbalten und Russen. Studien zu ihren gegenseitigen Bildern und Beziehungen*. Lüneburg: Klaus Meyer, 1997. С. 27–54; *Holzhausen P. Die Deutschen in Russland 1812. Leben und Leiden auf der Moskauer Heerfahrt*. Berlin, 1924. Самым важным иллюстративным первичным источником авторства художника-участника кампании является: *Faber du Faur C. W., von. Der Rußlandfeldzug Napoleons 1812. Nach den Originalen im Bayrischen Armeemuseum mit dem Begleittext von Major F. v. Kausler*. Ingolstadt, 2003.

¹² *Familiennachrichten* II. С. 195. Граф Мусин-Пушкин был крупным помещиком и предоставил в распоряжение русской армии 52 всадника и 540 пехотинцев. См.: *Hartley J. Russia in 1812, II: The Russian Administration of Kaluga gubernia* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1990, 1 38. С. 400.

¹³ Familiennachrichten II. S. 198–199.

¹⁴ Familiennachrichten II. S. 190. По этой же проблематике см.: Орлов А. А. Агенты Бонапарта // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 344–345; Прокопенко А. Агент не ошибся // Книга исторических сенсаций. Москва 1993. С. 126.

¹⁵ Familiennachrichten II. S. 191. Калужская администрация должна была заботиться о том, чтобы пресекать слухи, сеявшие панику среди населения. Hartley J. Russia in 1812... S. 181.

¹⁶ Familiennachrichten II. S. 190–193.

¹⁷ Например: Н.-J. Krautheim // Lexikon der Geschichte Russlands. Von den Anfängen bis zur Oktober-Revolution. München: Hans-Joachim Torke, 1985. S. 244.

¹⁸ Geschichte der UdSSR. Moskau, 1977. S. 212. Тот же Волконский на вопрос о поведении дворянства дал ответ: «Ваше Величество, мне стыдно, что к нему принадлежу, было много слов, но никаких поступков» (перевод автора с немецкого).

¹⁹ Hartley J. Russia in 1812... S. 405. См. также: Семевский В. И. Волнения крестьян в 1812 году и связанные с Отечественной войной // Отечественная война. Т. 5. М., 1912. С. 75–76, 80–81.

²⁰ Raeff M. The 150th Anniversary of the Campaign of 1812 in Soviet Historical Writing // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1964, ¹ 12. S. 256.

²¹ Земцов В. Н. Уголовники-патриоты и московский пожар 1812 года // Россия и мир. Панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 594.

²² Uexküll, J.-D., freiherr von. Armeen und Amouren. Ein Tagebuch aus Napoleonischer Zeit von Boris Uxkull. Reinbeck, 1965, S. 92.

²³ Тарле Е. В. Сочинения. Т. VII. М., 1959. С. 621. Также считают сомнительной трактовку В. И. Бабкина, полагавшего, что патриотические действия крестьян нельзя отделить от их борьбы против феодального ига (Бабкин В. И. Организация и военные действия народного ополчения в Отечественной войне 1812 года // 1812 год. К 150-летию Отечественной войны. Сборник статей. М., 1962).

²⁴ Familiennachrichten II. S. 199–200. К критическому положению со снабжением в Калужской губернии ср. также: Hartley J. Russia in 1812... S. 415.

²⁵ Familiennachrichten II. S. 196. Картофель в Центральной России начал возделываться в большом масштабе только после освобождения крестьян в 1861 году. За эту информацию благодарю профессора Гёрке (Цюрих).

²⁶ Familiennachrichten II. S. 199–200. Борис Икскуль отмечает в своём дневнике: «Самое печальное, что наш солдат сам ничего не падит. Он всё сжигает <...>, похищает и разрушает» (Uexküll, J.-D., freiherr von. Armeen und Amouren... S. 88–89).

²⁷ Familiennachrichten II. S. 200.

²⁸ Familiennachrichten II. S. 200.

²⁹ Familiennachrichten II. S. 197. В начале Бородинской битвы «Kutuzov ordered the famous Icon of the Smolensk Mother of God, which had been evacuated from the city, to be carried down the line of his army» (Lieven D. Russia against Napoleon. The Battle for Europe, 1807 to 1814. London, 2009. P. 199).

³⁰ Familiennachrichten II. S. 197.

³¹ *Familiennachrichten* II. S. 199. Видно, что знаменитые листки и афишки Ростопчина нашли отзвук и в провинции.

³² *Familiennachrichten* II. S. 201.

³³ *Familiennachrichten* II. S. 197, 204. Казаки являлись загадкой и для западно-европейских солдат. Они бродили, казалось, как настоящие шайки разбойников, безо всякой военной дисциплины. См.: *Kohler F. Augenzeugenberichte...* S. 42. Также и высокопоставленные немецко-балтийские офицеры в русской армии жаловались в своих мемуарах на враждебное недоверие к нерусским, несмотря на «отверженность к отечеству» (Волдемар фон Лёвенштерн). *Kohler F. Augenzeugenberichte...* S. 31–32.

³⁴ *Familiennachrichten* II. S. 206.

³⁵ *Familiennachrichten* II. S. 202. В новейшей книге о московском пожаре вновь утверждается, что сами русские подожгли город (*Muhlstein A. Der Brand von Moskau. Napoleon in Russland. Frankfurt/M., Leipzig, 2008*). О том же пишет Д. Ливен: «Although French carelessness and plundering may have contributed to the city's destruction, it was undoubtedly the Russians who were most responsible for what happened» *Lieven D. Russia against Napoleon...* P. 213). К сходным выводам приходит и А. И. Попов (*Попов А. И. Великая армия в России: Погоня за миражом. Самара, 2002*). Преобладающая часть русской и советской исторической науки категорически приписывала ответственность за поджог Наполеону. Вопрос до сих пор остаётся спорным. Известно, что и Наполеон, и Ростопчин (который в первый раз в 1823 г. дистанцировался от своей «незаслуженной славы») обвиняли противника. Самым убедительным является предположение о том, что единичные пожары, причинённые как французами, так и русскими, распространялись необыкновенно сильным ветром, что и привело к катастрофе.

³⁶ *Familiennachrichten* II. S. 207. О том, что Москва после отступления французов чрезвычайно быстро восстановилась, сообщается и в другом источнике, например, в мемуарах графа Бенкендорфа. Ср. *Lotman J. M., Russlands Adel. Eine Kulturgeschichte. Köln, 1997. S. 362*.

³⁷ Известны только три женщины, которые оставили после себя отчёты о поездке в Россию, при этом две из них (Marie Guthrie, Elizabeth Craven) путешествовали по Крыму. Elisabeth-Louise Vigée-Lebrun, знаменитая портретистка, пребывала в Петербурге с 1795 по 1801 год, её воспоминания были опубликованы в 1835 году.

³⁸ Такие воззрения – не редкость. Например, Г. Штекль пишет о том, что вторжение Наполеона привело к тому, что все сословия были охвачены волной «национальной готовности на жертвы» (*Stökl G. Russische Geschichte. Stuttgart, 1997. S. 448*). В то время как в советской историографии Отечественная война 1812 года считалась «народной войной» и «национальной эпопеей» русского народа (см.: *Geschichte der UdSSR I. Moskau, 1977. S. 214, 216*), в дореволюционной русской историографии подчас встречались и другие взгляды. Так, по поводу юбилея Отечественной войны в 1912 году историк Николай Фирсов в торжественной речи в Казанском университете констатировал у дворянства 1812 года быстро минувший патриотический порыв, а у простого народа полную деморализацию. В «войне мести» после отступления Великой армии он видел «дефор-

мацию человечности», которая выразилась «в патологическом бешенстве», где люди смотрели на свои «зверские поступки» как на «благодетение» (*Фирсов Н.* 1812 год в социолого-психологическом освещении (общая характеристика). М., 1913). С. В. Бахрушин в том же году подчеркнул склонность к насилию и разбойничьей жадности у московской черни 1812 года (*Бахрушин С. В.* Москва в 1812 году // *ЧОИДР.* 1912, IV. С. 19–56).

В. Н. Земцов

СМЕРТЬ ВЕРЕЩАГИНА: ЗАПАДНИК, ПАТРИОТ И ВЛАСТЬ

Около 10 часов утра 2 сентября* 1812 г., в день вступления войск Наполеона в Москву, возле дворца московского главнокомандующего Ф. В. Ростопчина на Лубянке разыгралась кровавая трагедия. Ростопчин бросил на растерзание толпе московского простонародья обвиненного в измене Отечеству купеческого сына Михаила Верещагина.

Событие это вызывало интерес многих историков, писателей и общественных деятелей. О нем говорили уже тогда, в 1812 г.¹, позже писали историки XIX в. Н. Ф. Дубровин, П. В. Шереметевский, А. Н. Попов и др.² Сцену расправы над Верещагиным описал великий русский писатель Л. Н. Толстой в романе «Война и мир». В начале XX в. к теме смерти Верещагина обращались либеральные историки С. П. Мельгунов и А. А. Кизеветтер³, художники А. Д. Кившенко и К. В. Лебедев... Правда, в советское время это событие обычно удостоивалось только скромного упоминания, возможно в силу того что смерть какого-то купеческого сына, да еще и «не патриота» (!), не могла идти в сравнение с теми жертвами, которые понес народ, охваченный пламенным патриотизмом в борьбе с иноземными захватчиками.

Однако к концу XX и началу XXI вв. о смерти Верещагина заговорили вновь. На этот раз инициатива исходила от кругов «охранительно-патриотических». О. Н. Любченко и М. В. Горностаев⁴, обратившиеся к личности и деятельности Ростопчина, жизнь которого являлась, по их мнению, великим примером мудрости и гражданского служения Отечеству, не только пытаются снять со своего кумира обвинения историков-либералов в преступлении, но и придать этому событию даже некий героический ореол. Мы не собираемся никого обвинять или оправдывать. Наша задача нам видится в другом, а именно в попытке реконструировать «частный» эпизод из истории Отечественной войны 1812 года, который, как нам представляется, отразил неизбежную дилемму российской жизни: метание между «патриотизмом» и «западничеством».

---

* Все даты в статье даны по старому стилю.